

Ольга Ройтблат: «Мы с родителями должны быть союзниками в вопросе обучения ребенка, а не противниками»

Недавно в инфополе шумели новости о том, что дети приходили в школу с оружием, устраивали самосуд над обидчиками, поджигали классы, нападали на одноклассников.

Красноярск, Козьмодемьянск, Уфа, Анапа... После каждого такого случая общество задает один и тот же вопрос: «Как такое могло произойти в обычной школе?». Споры сводятся к двум точкам зрения: одни винят компьютерные игры и соцсети, другие – проблемы в семье и подростковой среде.

Народный учитель России, член Общественной палаты города Тюмени, Тюменской области Ольга Ройтблат более полувека работает в системе образования. В интервью с изданием [«Тюменская область сегодня»](#) Ольга Владимировна поделилась своим видением ситуации.

– Ольга Владимировна, в последнее время много говорят о случаях деструктивного поведения школьников. Вы сталкивались с такими ситуациями? Как вы с ними работали?

– Вы знаете, когда я работала в 34-й школе на Маяке (район в Тюмени – прим. ред.), у нас было больше двух тысяч ребятшек и три смены. И среди них – целая армия «неблагонадежных». Кражи, хулиганство, разбитые стекла и т.д.... Их постоянно вызывали на комиссию по делам несовершеннолетних, родителей штрафовали. Но от этого становилось только хуже. Мы искали другие пути – иногда очень неожиданные.

Один случай меня потряс особенно сильно, вспоминаю о нем до сих пор. С моего урока английского языка в шестом классе забрали ученика, Олежку. Симпатичный, смущенный такой мальчишка, но отчаянный хулиган. Пришли шестеро из ПДН и милиции – и увели его прямо при всем. А он обернулся – такие большие синие глаза, полные ужаса. Я стояла и понимала, что ничем не могу помочь. Это был переломный момент.

Позже на посту директора, мы вместе с нашими шефами – «школой милиции» во главе с генералом Игорем Петровичем Маровым – собрали всех «трудных» и повезли их в Тобольскую тюрьму. На экскурсию. Чтобы своими глазами увидели, что ждет впереди, если не остановятся. Шоковая терапия сработала: на несколько лет школа вздохнула спокойно.

– Вас критиковали за такой жесткий метод?

– Конечно! Говорили: «Ты как педагог не имеешь права!». А я отвечала: «А когда

шестиклассника с урока забирают в колонию – это педагогично?» Иногда только так, через шок, до них доходит. Слова уже не работали.

- А что еще помогало, кроме таких радикальных мер?

- Главное – перестать видеть в детях «проблему», нужно детей Видеть! Мы с учителями и шефами постоянно проводили рейды по домам, смотрели, в каких условиях растут дети. Организовали совет отцов – они дежурили в школе, вели секции, кружки, следили за порядком. Представляете, когда ребенок видит в коридоре собственного папу? Лучше любой профилактики!

А родительские собрания мы вообще перевернули с ног на голову. Перестали обсуждать оценки – это же унижительно для тех, кто не в отличниках. Вместо этого садились и думали: как помочь конкретному ребенку? Как понять, что у него в душе? Я всегда вела собрания вместе с учителями, и всегда была стопроцентная явка родителей.

- Почему родители шли так охотно?

- Потому что видели: мы не судим, а помогаем. Мама уходила домой не с мыслью «сейчас я ему устрою», а с верой в своего ребенка. Мы стали союзниками, а не противниками.

- Сегодня много говорят о буллинге, агрессии в школе. Как с этим быть?

- Скажу так: основа всего – уважение. Дети фальши не терпят. Они чувствуют, когда учитель смотрит на них свысока, и отвечают той же монетой. В этом возрасте дети – максималисты, мир видят черным или белым, и их искренность видна за версту. Даже если учитель слишком строгий, но справедливый, они его признают.

Нельзя принижать и унижать детей. Запомните: ребенок уносит с урока не только знания, но и эмоции, отношения, доверие. Учитель может блестяще объяснить теорему, но, если при этом унижил ученика – он запомнит только это.

Приведу пример. Недавно встретила на улице ребят из одной хорошей школы. Спрашиваю: «Как урок прошел?». Они даже не помнят, что проходили по географии. Но в красках рассказывают, как учитель сказал их однокласснику, футболисту: «У тебя мозгов нет, только мяч пинать умеешь». Или другой случай: девочка-подросток, у нее лицо в прыщиках – возрастное же, – а ей говорят: «Ты на кого такая явилась? На себя посмотри!». Понимаете?

Это – на всю жизнь. Они забудут все ваши глаголы и формулы, но эти фразы пронесут в сердце годами. И именно из таких ран – из боли, стыда, гнева – потом и вырастает та самая агрессия, о которой все говорят.

Я жестко боролась с оскорблениями со стороны педагогов, когда была директором. Учитель должен быть профессиональным. На две головы выше! Во-первых, чтобы увидеть ребенка, во-вторых, чтобы понимать его психологию. Это вообще очень важный момент: без понимания детской возрастной психологии в школе очень сложно найти общий язык учителю, родителю с ребенком.

Неважно, заслуженный вы учитель или нет. Профессионализм – это в том числе и

эмоциональная зрелость. Не можете уважать ребенка – не работайте в школе. Это не ваше призвание.

– Но ведь из связки «учитель – ученик» нельзя исключать родителей.

– Безусловно. Я всегда исходила из правила: сколько времени мы тратим на работу с детьми, столько же должны уделять и родителям. Но и родитель сам должен видеть и любить своего ребенка, уважать учителя, прислушиваться к его советам. Дети ведь транслируют то, что происходит внутри семьи, в обществе.

И еще один важный момент: работа с родителями должна быть строго индивидуальной. Нельзя на собрании при всех сказать: «Ваш Петя опять подрался». Нужно найти время для личного разговора – и обязательно начинать его с веры в ребенка, с поиска его сильных сторон. Когда родитель уходит не с чувством вины, а с надеждой – он начинает меняться сам и менять отношение к школе.

– Как в этой системе должен работать учитель?

– Учитель сегодня – не просто транслятор знаний. Он и психолог, и дипломат, а иногда и «детектив». Важно видеть не только отметки, но и настроение, увлечения, скрытые таланты ребёнка. Знать, что у него разряд по плаванию или победы на лыжне, даже если по алгебре скромная тройка. Замечать, почему сегодня не сделано домашнее задание.

Как руководитель школы я всегда стремилась, чтобы в школу приходили не просто предметники, а люди с уважением к детям. Можно не иметь педагогического образования, но хорошо знать свой предмет и уважать личность ребенка, быть готовым его слушать и слышать.

– Ваш главный принцип за все годы работы?

– Школа – это не фабрика по производству стобалльников. Ребенок приходит сюда не только за знаниями. Он приходит, чтобы его увидели, услышали. Чтобы сказали: «Я в тебя верю». Если учитель раздражается на детей – ему не в школу, а в другую профессию. Надо любить. Иначе – зачем?